

Место межконфессионального диалога в российско-египетских отношениях

М. А. Халиль

Проблема национально-культурной идентификации в современном мире стремительно становится одной из ключевых, ее разнообразные проявления изучаются множеством гуманитарных наук (от политологии и экономики до культурологии и этнопсихологии), а средства массовой коммуникации уделяют все больше внимания как процессу формирования идентичностей, так и взаимодействию различных идентичностей в том или ином обществе.

Для более корректного понимания специфики современной социальности представляется необходимым вкратце обозначить общие тенденции, связанные с теорией идентификации. Безусловно, человеческая потребность в самоидентификации имела место всегда, так как изначально является психологической необходимостью для индивида²⁴². Однако события конца XX века до крайности ее актуализировали. Несомненно, основным явлением, активизировавшим потребность в самоидентификации современной личности, явилась глобализация.

Одной из наиболее очевидных и опасных тенденций глобализации представляется унификация мировых культур и сведение их к единому западному стандарту, поскольку в основе современных глобализационных процессов лежит вестернизация, не только провоцирующая размывание уникальных культур, но и навязывающая не-западным культурам ценности и установки западной цивилизации. Нередко под вестернизацией понимают американизацию, так как США представляют собой «центр системы» западного мира, а соответственно и основную культурно-цивилизационную доминанту.

Процессы глобализации и вестернизации стали результатом массивного распространения, а нередко и прямого навязывания мировому сообществу идеологии евроцентризма — относительно недавней мифологической реконструкции истории Европы и мира, согласно С. Амину, полагающей «Запад» вершиной развития человеческого общества.

²⁴² См. Э. Фромм. Искусство любить. СПб., Азбука-Классика, 2007, с. 60.

Совершенно естественно, что глобализационные процессы вызвали ответную реакцию разных не-западных обществ и культур в виде локализационных или регионализационных процессов. Ситуация, при которой процессы глобализации и локализации сосуществуют, получила название «глокализация». Итак, одновременно с прорастанием западных ценностей и представлений в не-западные общества в них усиливается интерес к собственным традициям и культуре, характеризующийся в первую очередь поисками собственной идентичности.

На сегодняшний день этот поиск в сознании многих людей связывается непосредственно с религиозной принадлежностью. То есть возрастание религиозности в мире в значительной степени вызвано потребностью именно в самоидентификации. Окончание периода всеобщего секуляризма, которым характеризовался XX век, и наступление в XXI веке новой волны религиозности, остроумно названной Ж. Кипелем «реваншем бога», также способствует росту значимости религиозной принадлежности. При этом можно с уверенностью утверждать, что в рассматриваемых нами обществах современного Египта и России религиозная идентификация является одной из важнейших, а роль религиозного фактора многократно возрастает.

Так, для египетского общества на сегодняшний день характерны три основные идентификации: национальная (египетская или фараонская), субнациональная (арабская), конфессионально-субнациональная (арабо-мусульманская). Можно говорить и о возрастающей конфессиональной идентификации египетских христиан — коптов. При этом главной из вышеперечисленных идентификаций оказывается последняя — арабо-мусульманская, то есть религиозная идентификация. Согласно социологическим опросам, по значимости религия занимает в личной жизни египтян твердое первое место — как среди молодых людей (от 18 до 29 лет), так и среди людей старше 30 лет²⁴³.

Еще одним подтверждением того, что религиозный фактор играет сегодня первостепенную роль в египетском обществе служит наличие столкновения идентификаций, которое развивается по двум направлениям: межконфессиональному (коптская идентификация *versus* арабо-мусульманская идентификация) и по направлению религиозность — секуляризм (между религиозной и секулярной идентификациями, будь то мусульмане или копты-христиане).

Что касается России, то религиозная идентичность на данный момент не является определяющей, однако, в последние годы она стала одним из основных способов самоотождествления россиян. Как справедливо отмечает В.И. Пантин, «само слово «россиянин» не вошло в сознание и язык большинства людей, которые предпочитают идентифицировать себя, прежде всего, по этническому (например, «русский», «татарин», «башкир») и конфессиональному («православный», «мусульманин», «атеист») признаку или же по месту жительства («москвич», «петербуржец», «пермяк», «ростовчанин», «сибиряк» и т.п.)»²⁴⁴. Более того, если в 1996 г. не считали себя верующими 43% россиян, то в 2007 г. число их уменьшилось и стало уже лишь 33%²⁴⁵. Важно также под-

²⁴³ What Arabs Think. Values, Beliefs, Concerns. By Dr. James J. Zogby. September 2002. P. 10.

²⁴⁴ Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации (<http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/3/3.htm>).

²⁴⁵ Ежегодник «Общественное мнение 2007». М., Левада-Центр, 2007, с. 193.

черкнуть, что в сознании россиян этнические и религиозные идентификации очень тесно связаны, нередко даже взаимозаменяемы. То есть отождествление этнической и конфессиональной принадлежностей имеет широкое распространение. Достаточно вспомнить известное обозначение России как «православной цивилизации», а также обратить внимание на устоявшееся клише, сводящиеся к формулам «русский = православный», «татарин = мусульманин» и т.д. в понятийной системе россиян. По мнению директора Информационно-аналитического центра «Сова» А. Верховского, общая тенденция сегодня сводится к интерпретации известной максимы «русский — значит, православный» как констатации сущностного тождества этих понятий, так как в России срабатывает широко распространенное в российском обществе сближение этнической и религиозной идентификации по «культурным корням»²⁴⁶.

Обращаясь к рассмотрению российско-египетских отношений, необходимо отметить, что многие политические события в Советском Союзе и России, а также решения руководства страны конца XX — начала XXI веков нанесли мощный негативный удар по образу России на Ближнем Востоке в целом и в Египте в частности. И религиозный фактор в этом процессе играл одну из ключевых ролей. Так, окончание периода дружественного советского присутствия и помощи Египту в конце 1960-х — начале 1970-х гг. сменилось уже к 1974 г. прочным американским влиянием. Советский Союз отныне объявлялся недружественной страной, а традиционно религиозное египетское сознание охотно восприняло подобную подачу: атеистический СССР представлялся отныне как «страна безбожников», что оценивалось теоцентричным сознанием египтян резко отрицательно.

Впоследствии война в Афганистане, а позже в Чечне были восприняты как «агрессия русских против мусульман». Западные средства массовой информации времен Холодной войны и в годы после Перестройки всячески способствовали укреплению именно такого видения ситуации и формированию образа России как врага исламского мира. Ни в случае со «страной безбожников», ни в случае с восприятием России как страны — врага исламского мира целенаправленных программ по развенчанию этих ложных стереотипов проведено не было. Единичные высказывания руководства государства о дружественном настрое России по отношению к мусульманам и арабскому миру проблемы естественно не решали.

В то же время сепаратистское движение чеченских боевиков, волна террористических актов, произведенных выходцами из мусульманского мира внутри России и за ее пределами, спровоцировала возникновение и распространение понятия исламской угрозы в сознании россиян. Последовавшая за событиями в Нью-Йорке 11 сентября эскалация исламофобских настроений в Европе и США не обошла стороной и Россию и также способствовала развитию негативного отношения к исламу среди немусульманского большинства страны.

В мусульманском мире, в свою очередь, нарастает отрицательное отношение к представителям «западного христианского мира» (именно так часто арабское со-

²⁴⁶ С. Градиловский и С. Переслегин приводят следующий пример: «На конференции, посвященной «Русскому Миру», пришлось услышать и негативную форму этого утверждения: если Вы не православный, Вы не имеете права называть себя русским». А. Верховенский в свою очередь приводит слова архимандрита Панкратия (Жердева): «Невозможно говорить о русском человеке, если он не православный». — // «Русский Ватикан», 05.04. 2005. «Религия и СМИ» (<http://www.religare.ru/article16249.htm>).

знание воспринимает Запад), особенно обострившееся после войны в Афганистане, и особенно после американского вторжения в Ирак, а также недавней военной операции в Ливане. Все чаще действия западных держав по отношению к региону воспринимаются на Ближнем Востоке как вторая волна кровавых крестовых походов против мусульман.

Активное позиционирование России как западной державы, целенаправленное ориентирование страны на США и параллельное игнорирование арабского региона в начале 90-х годов привело к тому, что население Египта все еще по инерции продолжает воспринимать Россию как маловлиятельную, периферийную часть западного мира, навязывающего им не только войны, бедствия и насилие, но и вестернизацию, ведущую, в свою очередь, к утрате культурных и моральных, а значит и религиозных ценностей.

Но, в отличие от западных стран, христиане и мусульмане как России, так и Египта являются коренным населением, а не религиозной диаспорой, проживающей вдали от своей исторической родины, что характерно для стран Запада. При изучении межконфессионального сотрудничества России и Египта кажется особенно важным, что на территории обеих стран проживают и мусульмане и христиане. Так, в России большинство населения исповедует православное христианство, вторая по численности религия страны — ислам; в Египте картина прямо противоположная — ислам является религией большинства, а меньшинство составляют православные христиане-копты.

Традиционно межконфессиональный диалог является частью диалога межкультурного, поскольку религия, как известно, лежит в основе любой культуры. «Сколько бы ни был сложен процесс приобщения этноса к определенной религии, последняя, став для него «своей», в полном смысле духовной едой и пищей, входит во все поры национальной культуры...», — пишет М. П. Мчедлов²⁴⁷.

Более того, в современном мире ни одно государство не может эффективно взаимодействовать с другим государством (или регионом), а также проводить в его отношении какую-либо политику, не имея представления о его культуре, традициях и особенностях. Наиболее вопиющим примером подобного невежества, отразившегося на целом ближневосточном регионе и значительно дестабилизировавшем глобальную ситуацию, в современном мире стала оккупация Ирака коалиционными войсками под эгидой США. Незнание местных особенностей и локальной ситуации руководителями США и Великобритании привело к разжиганию кровопролитной гражданской войны в этой арабской стране.

В случае взаимодействия России и Египта мусульмано-христианский диалог занимает особое место, что связано с неуклонным ростом религиозного фактора, повышением религиозного сознания в обеих странах, а также с не спадающей межконфессиональной напряженностью как в мире в целом, так и в рассматриваемых нами государствах в частности.

Российско-египетский межконфессиональный диалог имеет как минимум три измерения: политическое, собственно религиозное и социальное.

²⁴⁷ «Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания» (сборник). М., «Культурная революция», 2007, с. 15.

Межрелигиозный диалог может стать эффективным механизмом для укрепления политического авторитета государства в том или ином регионе мира. Политическое измерение межконфессионального сотрудничества осуществляется посредством взаимодействия религиозных организаций и их лидеров с политическими структурами и их лидерами.

Религиозный фактор на сегодняшний день все активнее оказывает влияние не только на внутреннюю политику, но и на внешнюю политику государств. Не давая оценок этому явлению, следует признать, что налицо повсеместный отход от секуляризации международных отношений и неуклонное влияние конфессиональных институтов и их лидеров на внешнюю политику.

Более того, существует мнение, что десекуляризация дипломатии, как назвал эти процессы профессор Томас Фарр, может иметь позитивное воздействие. В своей статье «Дипломатия в эпоху веры» Фарр пишет: «Политические деятели должны относиться к религии так же, как они относятся к экономике и политике, т.е. как к чему-то, что воздействует на поведение людей и правительств в значительной мере. Так же, как и политические и экономические мотивы, религиозные мотивы могут служить усилителем как деструктивного, так и созидательного поведения, нередко приводя к серьезным результатам. Когда вера ассоциируется с социальной идентичностью, этносом или национальностью, она становится еще более важной как центр внешней политики». И главным предметом критики в адрес нынешней администрации США для Фарра является именно «неспособность внешней политики США понять и обратиться к религии»²⁴⁸.

Таким образом, можно утверждать, что религиозный фактор становится сегодня одной из важнейших составляющих внешнеполитической дипломатии. Однако Россия является государством, в котором церковь и фактически, и юридически отделена от государства: «Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом»²⁴⁹. И, как светское государство, она не способна выступать в качестве субъекта религиозной дипломатии, поэтому эту функцию выполняют религиозные организации, представляющие четыре традиционных конфессии России — православное христианство, ислам, иудаизм и буддизм: Русская Православная Церковь, Совет муфтиев России, Духовное Управление мусульман Центрально-Европейской части России (Московский муфтият), Духовное Управление мусульман азиатской части России, Высший координационный совет мусульман России, Конгресс еврейских религиозных общин и организаций России (КРЕОПР), Федерация еврейских общин России (ФЕОПР), Буддийская традиционная сангха России.

Схожая картина наблюдается и в Египте, где схема взаимодействия власти и религии большинства (естественно, исламской) гораздо сложнее. Скорее всего, если следовать классификации М.П. Мчедлова, это взаимодействие можно обозначить как теократию смешанного типа: «История дала пример сложных взаимоотношений духовной и светской власти, когда под влиянием тех или иных объективных

²⁴⁸ Farr Th. Diplomacy in the Age of Faith. — "Foreign Affairs", March–April, 2008.

²⁴⁹ Конституция Российской Федерации, статья 14, пп. 1, 2.

и субъективных факторов степень взаимодействия, согласования или противостояния их интересов постоянно менялась»²⁵⁰.

Действительно, с одной стороны, власть в Египте является светской, однако в Конституции закреплён официальный статус религии и религиозного законодательства: «Ислам — государственная религия. Арабский — официальный язык, а основным источником законодательства является исламское право (Шариат)»²⁵¹. Такое положение дел даёт возможность охарактеризовать нынешние взаимоотношения религии и власти как гибрида, в котором светская власть и все её институты подвержены колоссальному религиозному влиянию. И если во второй половине XX века секуляризация египетской власти казалась вопросом решённым, то полвека спустя смыкание власти и религии не только происходит, но и легитимизируется.

Однако, несмотря на вышесказанное, как и в России, субъектами религиозной дипломатии в Египте являются религиозные институты, а именно — главный исламский институт «Аль-Азхар» и Патриархия Коптской Православной Церкви.

Наряду с религиозными структурами в России и Египте существуют светские государственные и общественные организации, занимающиеся межконфессиональным диалогом.

В России к первой категории относятся: МИД РФ, Комитет Государственной Думы РФ по делам общественных объединений и религиозных организаций, Объединённая комиссия по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений при Совете Федераций РФ, Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, Комиссия Правительства РФ по вопросам религиозных объединений, Комиссия Общественной палаты по межнациональным отношениям и свободе совести, региональные организации по межконфессиональным отношениям (Комиссия по межнациональным и межконфессиональным отношениям Московской Городской Думы) и др.

Ко второй категории относятся «Центр Национальной Славы России», «Фонд Андрея Первозванного», Общество «Хакк», Православное императорское палестинское общество, другие.

В Египте среди государственных организаций, занимающихся межконфессиональным диалогом можно выделить МИД АРЕ, Комитет по религиозным, общественным и вукуфным делам Народного Собрания, Министерство Вукуфов.

Негосударственными структурами, занимающимися вопросами межрелигиозного и межцивилизационного диалога являются Комитет диалога между религиями при Верховном Совете по исламским делам, Институт исследования мира при международном женском движении за мир Сюзан Мубарак, Каирский институт по правам человека, Международный союз за иудео-мусульмано-христианский диалог и обучение миру, другие.

Политическое измерение межконфессионального диалога между Россией и Египтом находит отражение в официальной позиции глав обоих государств. Так, в «Совместном заявлении о дальнейшем углублении дружественных отношений и партнерства между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет»,

²⁵⁰ «Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания», с. 100.

²⁵¹ Конституция Арабской Республики Египет, пп. 1.1. и 1.2.

принятом 27 апреля 2005 года в Каире Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным и Президентом Египта Хосни Мубараком сказано, что стороны «заявляют о своем твердом намерении всемерно способствовать диалогу цивилизаций. Россия и Египет, обладая позитивным опытом сосуществования многих религий, — христианства, ислама и иудаизма — считают, что в условиях роста в мире межконфессиональных противоречий и конфликтов следует активизировать диалог между различными культурами и цивилизациями»²⁵².

Стали проходить встречи официальных лиц с представителями конфессий другой страны. Примером является состоявшаяся 27 июня 2006 г. встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с послом Египта в России Эззатом Саадом.

Основываясь на вышесказанном, представляется возможным сделать вывод о том, что как в России, так и в Египте существует достаточное число организаций (и государственных, и общественных), способных стимулировать политическое измерение межконфессионального диалога между двумя странами, что, в свою очередь, способствовало бы повышению общего уровня взаимопонимания между РФ и АРЕ. При этом очевидно, что на сегодняшний день механизмы и инструменты такого взаимодействия задействованы в незначительной степени, а их активизация требует выработки специальных программ и повестки.

Собственно религиозное измерение межконфессионального сотрудничества предполагает взаимодействие религиозных деятелей и институтов России и Египта, главным образом взаимодействие представителей Русской Православной Церкви и Духовных Управлений Мусульман России с представителями египетского мусульманского духовенства и Коптской Православной Церкви. Но следует отметить, что встречи и взаимодействие религиозных деятелей двух стран, как правило, ограничиваются работой в рамках международных саммитов, форумов и конференций, объединяющих представителей различных конфессий мира. При этом двусторонние встречи российских и египетских религиозных лидеров не проводятся (в отличие от интенсивных контактов между египетскими духовными лидерами и Римской Католической Церковью), что бесспорно является значительным упущением. Ведь христиано-мусульманское сотрудничество между религиозными деятелями России и Египта могло бы эффективно содействовать выработке общих подходов к вызовам современности, а также снятию межконфессиональной напряженности в обеих странах и продвижению идеи толерантности. Более того, диалог русского православия и египетского ислама способен внести важнейший вклад в понимание друг другом особенностей этих двух конфессий. Так, в большинстве своем египетские мусульмане под христианским миром понимают мир протестанско-католический, тогда как встречи и диалог с представителями Русской Православной Церкви помогли бы не только прояснить различия между русским православным христианством и западными церквями, но и познакомить исламский мир в целом и египетских мусульман в частности с русским

²⁵² «Совместное заявление о дальнейшем углублении дружественных отношений и партнерства между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет Принято 27 апреля 2005 года в Каире Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным и Президентом Египта Хосни Мубараком» (<http://www.kremlin.ru/text/docs/2005/04/87177.shtml>).

православием — конфессией, которая никогда не имела конфликтов с исламским миром. Один из наиболее влиятельных и авторитетных практиков диалога русского православия с исламским миром Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир уточнял, что отсутствие таких конфликтов обусловлено тем, что православие (в отличие от западных христианских конфессий) всегда соблюдало главное условие добрососедства с исламом — невмешательство в его внутренние дела. Более того, Митрополит Владимир справедливо убежден, что «из всех мировых религий православие и ислам видятся наиболее близкими друг другу»²⁵³, опасность же для обеих конфессий, по его мнению, исходит от перенимаемой у Запада аморальной «масс-культуры»²⁵⁴. При этом Митрополит Владимир очень точно обозначает рамки межрелигиозного диалога между православными и мусульманскими богословами: «Выяснение общих черт наших религий — это та граница, которую не следует переступать в православно-мусульманском диалоге <...> Это во времена халифатов мусульманские и христианские богословы к общему удовольствию могли устраивать всесторонние дискуссии. В наше сложнейшее время, когда межрелигиозная напряженность подогревается искусственно и искусно, такое для нас — непозволительная роскошь. Заострение наших расхождений, обсуждение взаимно заведомо неприемлемых догматов, полемика не могут принести ничего, кроме вреда <...> Нам важно и действительно необходимо не рассуждать о тонкостях учений, а выявить основы для взаимопонимания и общих благих дел»²⁵⁵. Свое мнение Митрополит Владимир подкрепляет неизменно актуальными для России словами великого князя Александра Невского: «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке»²⁵⁶.

В то же время именно египетский вариант ислама мог бы быть актуален для России, где религиозная жизнь российских мусульман стремительно возрождается. «Различные слои цивилизации, предшествовавшие исламу, оказали влияние на мусульман Египта. Им присуща более мягкая манера общения со своими соседями и с обществом в целом, и они всем сердцем воспринимают культуру принятия «другого». История помогла создать в Египте уникальный ислам, лишенный догматизма и не приверженный только одному направлению или доктрине»²⁵⁷.

При этом между двумя странами имеет место конфессиональный обмен. Так, в Каире действует Русский Православный Храм Св. Дмитрия Салунского, а в Москве египтяне имеют возможность совершать молитвы в помещении Культурного Центра при посольстве Египта.

Итак, можно сделать вывод о том, что собственно религиозное измерение российско-египетского межконфессионального сотрудничества, а именно прямой,

²⁵³ «Христианство и ислам: пути реального взаимодействия». М., Фонд Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного, 2006, с. 15.

²⁵⁴ Там же, с. 27.

²⁵⁵ Там же, с. 14.

²⁵⁶ Там же, с. 28.

²⁵⁷ Ханна М. Принятие другого. М., «Центр гуманитарного сотрудничества», 2007, с. 87.

активный и эффективный диалог представителей христианства и ислама России и Египта мог бы в значительной мере способствовать исправлению негативных образов ислама в РФ и православного христианства в АРЕ. Более того, подобный диалог вне всяких сомнений оказал бы существенное влияние на развитие в обеих странах культуры толерантности и принятия «другого».

Социальное измерение межконфессионального сотрудничества предполагает взаимодействие россиян и египтян, которые в свою очередь являются в большей или меньшей степени представителями православно-христианской и мусульманской конфессий. Религия все активнее в последние годы вплетается в гуманитарный диалог России и Египта.

В качестве примера можно привести акцию поминовения моряков российского крейсера «Пересвет», состоявшуюся в египетском городе Порт-Саид в августе 2006 г. Организаторами этого мероприятия выступили издательский совет Русской Православной Церкви, православный благотворительный фонд «Пересвет» при поддержке Управления делами президента РФ, посольства России в Египте и Российского культурного центра в Каире. Другой пример социального измерения межконфессионального российско-египетского сотрудничества — проведение Российским культурным центром в Каире в 2004 г. фотовыставки «Ислам и мусульмане в России», которая, по словам ее автора Мухаммеда Саламы, была призвана поддержать вступление России в качестве наблюдателя в Организацию Исламская конференция. Однако наиболее парадоксальным и неоднозначным стало решение о проведении торжественного открытия Дней культуры Египта в России в 2005 г., организованные министерствами культуры России и Египта, Российским Агентством по Культуре и Кинематографии, Российским Фондом Культуры и посольством Египта в России в зале церковных Соборов Храма Христа Спасителя.

Социальное измерение христиано-мусульманского диалога, которое можно также обозначить как народную дипломатию, представляется особенно важным. Это объясняется в первую очередь тем, что именно данное измерение российско-египетского взаимодействия развивается наиболее интенсивно. Этому способствует огромный поток российских туристов в Египет (в 2007 г. Арабскую Республику Египет посетило около 1.5 миллиона россиян), а также беспрецедентное количество (тысячи) смешанных браков между россиянками и египтянами. Таким образом, российские туристы и египтяне, с которыми они взаимодействуют во время поездок так же, как и российско-египетские смешанные семейные пары и их родственники являются колоссальным ресурсом межконфессионального диалога между Россией и Египтом, непроизвольно становясь акторами народной дипломатии. В данном случае народную дипломатию будем понимать в соответствии с определением толкового словаря русского языка Ожегова как «разнообразные формы широкого общественного движения людей разных стран в целях общения, познания друг друга (марши мира, международные круизы, туризм)»²⁵⁸.

Согласно В. И. Якунину, именно народная дипломатия, которая ресурсна и дополнительна к официальной, «явно и недвусмысленно проявляет потребность в сохранении и продвижении цивилизационных параметров государственных, регио-

²⁵⁸ <http://www.ozhegov.org/words/7178.shtml>

нальных и иных интересов граждан различных стран мира»²⁵⁹. В то же время он отмечает, что важнейшей функцией народной дипломатии в сфере мировой политики является усиление гуманистического характера последней. При этом именно народная дипломатия «способствует вытеснению из трансграничного диалога различного рода радикальных и экстремистских сил, проповедующих исключительность и крайнюю непримиримость позиций, и предполагает необходимость толерантного отношения к внутреннему содержанию каждой из ценностных и поведенческих систем, практически поддерживает легальные и гуманные рамки такого диалога». В то же самое время институты народной дипломатии «обязаны поддерживать те ценности и модели поведения, которые отрицают навязываемые людям идеалы потребительского общества»²⁶⁰.

Что же касается межконфессионального контекста, то многие религиозные деятели убеждены: избежать профанации исламо-православного диалога можно только одним способом — включить в процесс диалога широкие круги верующих, чтобы сближение двух конфессий стало делом народной дипломатии²⁶¹.

Таким образом, можно утверждать, что социальное измерение межконфессионального сотрудничества России и Египта является на сегодняшний день наименее предсказуемым и регулируемым из всех, при этом оно, несомненно, требует внимательного изучения и максимального упорядочивания с целью снижения межконфессиональной напряженности и продвижению толерантности между христианами и мусульманами двух государств.

В заключение представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, межконфессиональный диалог обладает колоссальным потенциалом в сфере решения проблем межнациональной и межконфессиональной нетерпимости, ксенофобии и вражды, так как пронизывает практически все области взаимодействия народов разных стран.

Во-вторых, приходится констатировать, что на данный момент особенности, механизмы и инструменты межконфессионального диалога не достаточно исследованы, а международный опыт межконфессионального диалога требует систематизации и тщательного изучения.

В-третьих, на сегодняшний день межконфессиональный диалог является значительной составляющей российско-египетских отношений.

В-четвертых, развитие и эффективное использование трех измерений (политического, религиозного, социального) межконфессионального диалога России и Египта способно не только улучшить двусторонние отношения между странами, но и способствовать понижению напряженности между православными христианами и мусульманами, а также распространению позитивного образа православных и мусульман в мире.

²⁵⁹ Янунин В.И. Народная дипломатия как фактор мировой политики и инструмент межцивилизационного взаимодействия. От диалога цивилизаций к сотрудничеству и интеграции. Наброски проблемного анализа. М., Научный эксперт, 2006, с. 98.

²⁶⁰ Там же, с. 103.

²⁶¹ «Православным и правоверным нужна народная дипломатия» (<http://www.islam.ru/pressclub/tema/dialog/>).